ПАВЛО ТЫЧИНА

ЛИРИКА

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 1
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1941

ПАВЛО ТЫЧИНА

ЛИРИКА

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
БОРИСА ТУРГАНОВА

Издательство „Правда“
Москва — 1941

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство «Правда»		Изд. № 84
А35445	Зак. тип. 26	Тираж 50.000
Статформ. А—105×148 мм	$1^1/_2$ п. л.	Кол. зн. в 1 п. л. 43.200
Цена 20 коп.		Подп. к печ. 16/I 1941 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

ПАРТИЯ ВЕДЕТ

Так пускай они, как знают,
обезумев, издыхают, —
нам свое творить:
яму выроем большую
для буржуев, всех буржуев
будем, будем бить!
будем, будем бить!

Никому уже не странно,
что мы твердо, неустанно,
властно мы идем.
Шагом шествуем победным,
всем придавленным и бедным
руку подаем!
руку подаем!

Оживляем горы, воды,
строим новые заводы
всё скорей, скорей!

А дорог, каналов — сетка!
Их лелеет пятилетка,
как своих детей!
собственных детей!

Наша армия родная
крепнет, край наш охраняя,
а воздушный флот —
он воюет, сеет, возит,
он республику возносит
до иных высот!
до иных высот!

Рушат бодро все преграды
комсомольские отряды —
и еще идет
помощь: большевистской эры
пионеры, пионеры! —
Партия ведет!
Партия ведет!

Не в чужой стране, не где-то,
в МТС растут газеты —
всё у нас, у нас!
Мы тревожим стратосферу,
атома ядро и сферу —
о прекрасный час!
небывалый час!

Час неповторимый, вечный!..
Есть ли в мире кто нас крепче?
Где тот исполин?
Творчески крушим препоны,
за колоннами колонны,
все мы — как один!
все мы — как один!

Так пускай они, как знают,
обезумев, издыхают, —
нам свое творить:
яму выроем большую
для буржуев, всех буржуев
будем, будем бить!
будем, будем бить!

1933

ЗА СТАЛИНА ПОДАМ СВОЙ ГОЛОС

Словно радуга в сияющей игре
встала в небе горделивою дугою —
так над миром самой светлой, дорогóю
высится Страна Советов на горе,
на заре
виноградною увитая лозою...

Словно радужные краски, что цветут,
светят, — порознь каждая и вместе сразу,

так, охвачены неслыханным экстазом,
все советские республики идут,
и поют
домбры звонкие, бандуры их и сазы.

О страна моя, ты вечно молода,
над тобою звезды, и луна, и солнце!
Уж по-новому прядешь ты волоконце:
мы богаты — хлеб, и уголь, и руда
от свободного труда,
улыбается нам каждое оконце.

О страна, в знаменах — реющих крылах —
свет красы в тебе таится многоликий!
Дружен шаг семьи твоей многоязыкой;
россиянин, украинец и казах, —
труд, как счастие у каждого в руках,
и сама ты дышишь силою великой.

Ты в розовощекой зрелости своей
Сталинскою Конституцией сияешь,
и в Совет Верховный ныне посылаешь
самых лучших молодой земли твоей
сыновей, —
и, великая, растешь и расцветаешь.

Солнце с лаской улыбается садам.
Кто ж то солнце? То любимый и родимый
Сталин наш! Он в этот час неповторимый

всем принес тепло — и людям, и плодам, —
я ему отдам
голос мой свободный, верный, неделимый.

Солнце словом озаряет высоту, —
уберечь то слово я в душе сумею!
И всех сил, всей жизни я не пожалею:
как певец — я в счастьи, в радости, в цвету —
расцвету,
и прославлю Солнце песнею своею!

Я прославлю те великие права,
что в истории впервые появились.
Глянь: на западе клубами тучи сбились, —
над людьми там кривды мертвой голова,
а у нас — вся жизнь нова,
родились герои, и певцы явились!

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

Он — жар в огне, он — мужество в металле,
он — враг всего, что дни мертвит живые,
отважный и прямой. Товарищ Сталин
назвал его «Гроза буржуазии».

Как не грозить, когда в недолю злую
судьба людей навек была зажата!
Он подымал готовность боевую,
бесстрашный рыцарь пролетариата!

Тут саботаж, а там локомотивы
расхлябались. Что делать? Был он чистым
как человек — и знанья перспективы
он требовал от каждого чекиста.

Чтоб твердо знал, где скрытый враг, где явный,
чтоб честным был, решительным, ведущим,
чтоб скромным был, — тогда победой славной
врагов вредить отучим мы, отучим!

Железный Феликс отучал! Химеры
о нас плели, кто были в лаке, в лоске
укрытыми — меньшевики, эсеры —
буржуазии черной подголоски.

Железный Феликс отучал! Рукою —
и белых брал и черных, — как ни злись там!
Он ни минуты не давал покоя
желто-блакитным националистам.

И по его следам, прямым и точным,
победа шла. Он весь — горенье класса,
дыханье революции, рабочим
всю жизнь до смертного он отдал часа.

Ни каторга Сибири царской, дикой,
ни каземат варшавского централа,
ни высылки — ничто его великой
чистейшей веры не поколебало.

Он твердо верил в лучшую на свете
большую правду. Он, непобедимый,
железный, он — всегда был нежен к детям
и к женщинам, народа сын любимый.

Таков весь облик рыцаря. Глубоко
его запомним сердцем. Чтобы снова
и снова он светил нам. — Что? Шпионы?
Враги опять? — Поплатятся жестоко
и наземь рухнут! Мы идем, суровы,
суровы, непреклонны.

1937

ПЕСНЯ ПРО КИРОВА

Зелен сад-виноград,
славен город Ленинград!
Ты скажи свои слова
про Сергея Кирова.

— Слава, честь большевику:
он в сверкающем Баку
знамя дружбы развернул,
тюрок и армян сомкнул!

Гей, прекрасный красный стяг,
партии великий знак!
Если рядом — значит, рядом
мы идем, равняя шаг.

Сланец, торф и металл,
Беломорский канал!
Вы скажите нам слова
про Сергея Кирова.

— Слава, честь большевику:
он на трудном на веку
был трибуном и бойцом
с мудрым, ясным лицом!

Гей, прекрасный красный стяг,
партии великий знак!
Если рядом — значит, рядом
мы идем, равняя шаг.

Зелен стан, красен стан,
край нагорный — Дагестан!
Ты скажи свои слова
про Сергея Кирова.

— Слава, честь большевику:
он, как вождь в своем полку,
знамя высоко держал,
родину освобождал.

Гей, прекрасный красный стяг,
партии великий знак!
Если рядом — значит, рядом
мы идем, равняя шаг.

Нивастрой и Свирьстрой,
труд могучий и простой!
Все удачу ворожит —
только жить бы, только жить!

— Слава, честь большевику:
он на трудном на веку
знал мельчайший ход машин —
партии любимый сын.

Гей, прекрасный красный стяг,
партии великий знак!
Если рядом — значит, рядом
мы идем, равняя шаг.

Ой, Нева, ой река,
где ты — жизнь большевика?
Киров наш убит врагом,
гады подползли тайком.

— Поклянемся ж вновь и вновь —
мы расплатимся за кровь,
за родного сталинца
истребим их до конца!

Гей, прекрасный красный стяг,
партии великий знак!
Если рядом — значит, рядом
мы идем, равняя шаг.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ИСТОРИИ

Что у них одни колючки — острые да спорые,
а у нас, у нас березы — сребро-белокорые...
Буржуазные «свободы» — куцые да хворые —
наше ж право, равных право — первый раз в
истории!

Все литóе, золотое,
словно празднество труда,
и такое молодое,
как нигде и никогда!

Ой гнилое ж право панства по своей по лживости:
из болота всяких цензов бедняку не вылезти.
Ищет он, бедняга, права, как какой-то милости, —
наше ж право, равных право — право
справедливости!

Все литое, золотое,
словно празднество труда
и такое молодое,
как нигде и никогда!

Что банкирам служит бедный — той спиной
горбатою,
скоро в жизни им предстанет грозною расплатою
Мы горды геройством, честью, родиной богатою.
Женщина у нас забыла долю распроклятую!

Все литое, золотое,
словно празднество труда,
и такое молодое,
как нигде и никогда!

То, что нам когда-то было лишь мечтой заветною,
стало жизнью дорогою, жизнью огнецветною.
Демократия лилеей расцвела бессмертною.
Стали мы теперь надеждой бедняков всесветною!

Все литое, золотое,
словно празднество труда,
и такое молодое,
как нигде и никогда!

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Я сторонюсь чужих и чуждых,
болот родимых, мелких бродов,
сияет радугою дружбы
мне единение народов.

Оно такой встает вершиной,
оно таким дыханьем дышит!
Ударишь громом в сердцевину —
и гром другой в горах услышишь.

И гром другой взрывает дали
и радуется, молодея,

что встала радуга из стали,
сердца народов дружбой грея.

И сам ты вдруг, — как гром над кровлей,
как молниями озаренный,
как будто выпил на здоровье
из родника воды студеной.

Ой, выпил, выпил да утерся,
и припадаешь снова, снова,
и открываешь первородство
в глубинах языка чужого.

Его коснешься ты — все мягче,
все легче он тебе сдается.
Хоть слово сказано иначе,
но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
упругая все гнется, гнется,
и разом вдруг — чужое слово
в родной язык родным ворвется!

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
в них слышен труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля,
и волны радости народной.
В них разум класса, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит все в основу
победы пролетариата.

1936

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

(Чернигов, 1910 г.)

Мне помнится: осенний день. В усердьи
синело небо. Серебристый прах,
казалось, осыпа́лся с синей тверди.

Была седа сухая тень в садах,
и даль как бы от дряхлости дрожала.
Не выйти ль на этюды? Просто страх,

как на простор влекло из-под начала
казенных стен! Уроки отошли.
По семинарским классам разудалый

галдеж пошел, и смех, и ай-люли
на гребешках. Я из-за парты вылез,
палитру вытер, вдвинул под шпили,

чтобы края этюдника сходились, —
и к Валу зашагал, а ветерок —
вприпрыжку рядом, точно сговорились.

Вот неотвязный! Стал я поперек
дороги, осмотрелся: тут и сяду.
Лениво Стрыжня движется поток.

На-славу место Лучшего не надо.
Сказал и сделал. Тишина и зной.
Так клонит спать, что никакого сладу.

Прошел чиновник. Желтою копной —
страницами чужого лексикона —
расшелестелся ясень надо мной.

На Стрыжне челн качнулся плоскодонный
Еще краплаку в тюбике достав,
я оглянулся. Стаями вкруг клена

кружились листья, с придорожных трав
под провода взлетая, как от шквала,
и запускали пальцы в телеграф,

как в струны цитры или на цимбалы.
Вдруг как из-под земли с травы к холсту
какой-то долговязый. «Всех, пожалуй,

не дотащить», — он молвит в пустоту,
а сам в руках сжимает листьев ворох.
Он черноглазый. В шляпе. На лету

ловлю черту тревожную во взорах.
Когда подсел он? Как я передам
таинственности прелесть? Чем так дорог

звук голоса его, и кто он сам,
что так располагает с полуслова?
С сука вспорхнула птица. Ветра гам

улегся. Солнце выглянуло снова.
А незнакомец, собираясь вспять,
меня окинул взглядом, как родного.

Как было голову не потерять?
Вскочил я, стал, глаза вдогонку пялю,
стою... А дней, примерно, через пять

концерт давали в семинарском зале.
Ухаживать за публикой взялись
учащиеся. Гости прибывали.

Уж коридор был полон. Скрывши фриз,
у входа в залу зелень на бордюре
живой гирляндой свешивалась вниз,

и, средь распорядителей дежуря,
стояли мы. То поправляя бант,
то на ходу друг с дружкой балагуря

об играх в фанты или про Жорж Занд,
пред нами проплывали к повороту
за парой пара и за франтом франт.

Как вдруг: «Нашли!» — воскликнул рядом кто-то:
«Мы в поисках, а он тут в царстве грез».
Очнувшись и всерьез, как от дремоты,

взглянул я, вздрогнул и к земле прирос.
Я черные глаза узнал не сразу.
Ведь это тот, что на речной откос

с охапкой листьев лазил, долговязый.
«Смелей!» — сказал мне, подтолкнув слегка,
учитель рисованья, с полуфразы

представив спутнику ученика:
«Поэт, и — обещает; был бы случай,
не грех в печать бы». — «И наверняка

уже стихов вот этакая куча?» —
пожав мне руку, пошутил другой,
щадя мою застенчивость бирючью.

«А это Коцюбинский», — ткнул рукой
преподаватель рисованья. —Fata!—
воскликнул я невольно, и за мной

сказал высокий, радуясь, как брату.
Потом, взяв за плечи, проговорил:
«Мы, кажется, уж виделись когда-то», —

и, юный мой оберегая пыл,
повел средь пар. Бродя в их веренице,
я ликовал. Как был со мной он мил!

Я слышал смех и видел чьи-то лица,
но вместо смеха и веселых мин
лишь сознавал блаженство без границы:

все заслонял собою он один.
А рядом вновь учитель рисованья.
«Кручиниться, — сказал он, — нет причин».

По коридору с шумом, как и ране,
тянулись пары. Прозвенел звонок.
Неторопливо в зал пошло собранье.

Навстречу вырывалась за порог
нескладица настройки. Вперегонку
с кларнетом тон альтам давал рожок.

Поднялся гул, как потасовка, звонкий.
Попробовал и я тут свой гобой,
все заглушивший, точно плач ребенка,

и отложил, чтоб овладеть собой.
Вот капельмейстер палочкой оббитой
взмахнул, смиряя звуков разнобой.

Все замерло. И Глинка из сюиты
заговорил. Со дна басов, звеня,
стал подыматься лес, с высот зенита

безоблачность простерлась. Зеленя
пошли тянуться к солнечным триолям.
Зима прошла... Без края вкруг меня

весенний день, и солнце, и над полем
вот эта пташка. Нет! Еще и пот
трудящихся, с той славою мозолям,

которую поет им Глинка. Тот
почет труду, что рвет времен пределы
и тянет вдаль. То бушеванье нот,

что чувствует, казалось мне, всецело
и Коцюбинский. Это, в цвете сил,
мы «Жаворонка» грянули капеллой.

Играя на гобое, я следил
за Коцюбинским. Ровно и спокойно
смотрел он вдаль, как люди у кормил.

Он знал: вдали — бои, победы, войны,
и оттого-то, выпрямясь струной,
сидел творец единственный, достойный,

и вдаль перед собой смотрел, — родной.

1938

КУРЧАВЯСЬ, ПРОБЕГАЮТ ТУЧИ

Курчавясь, пробегают тучи. Синь в глубину легла...
О, друг мой милый, — гаснут силы —
О милый брат мой, — вновь распято —
Больное сердце мое, сердце кричит, как лебедь...
Мгла...
Курчавясь, пробегают тучи...

Как вепри, буйно мчатся ветры! Гнут арфы
тополей...
В душе — белее, чем лилеи —
Растут прекрасно — ясно, ясно —
Как цветики — печали, скорби растут в душе моей.
Как вепри, буйно мчатся ветры!

Рассыпалось в озерах солнце. Летит былого дым...
Всегда и всюду — как забуду?
Хочу я ласки — черноглазки? —

Хочу я быть несокрушимым и вечно молодым!
Рассыпалось в озерах солнце.

И смех, и звон, и радость. Мысли как радуги. И
пусть
Грусть в сердце, если — солнце! песни! —
В душе я ставлю — вас я славлю! —
В душе я ставлю светлый парус, — ведь веет
в сердце грусть.
И смех, и звон, и радость мысли.

1917

ЛЕСА ШУМЯТ

Леса шумят —
Я слушаю.
Дымки летят —
Любуюсь я.
Любуюсь я, дивуюсь я —
Чего ж душе моей
так весело?

Вот звон гудёт,
Далекий звон,
Мечты прядет
Над нивами.
Над нивами — приливами,
И ввысь меня несет,
как ласточку.

И я иду —
взволнованный.
Кого-то жду —
ликующий.
И всё пою любовь мою
Под тихий шопот трав,
ласкающий.

Мечтает лес -
Над речкою.
Уж неба край —
Что золото.
Что золото — расколото,
Горит-дрожит река,
вся — музыка.

1914

АРФАМИ, АРФАМИ

Арфами, арфами —
золотыми, разливными, отозвалися леса
Самозвонными:
Ах, весна,
Ах, красна,
Цветом да жемчугом
Разукрашена.

Думами, думами —
будто море кораблями, переполнилась лазурь
Нежнотонными:

Будет бой
Огневой!
Смех будет, плач будет
Перламутровый...

Стану я, гляну я —
ручеечки — как звоночки, жаворонок — золотой
С переливами:

Ах, весна,
Ах, красна,
Цветом да жемчугом
Разукрашена.

Светлая, милая, —
то ли грустная ты ходишь, то ли счастье через край
Там за нивами:

Взор открой
Заревой!
Смех будет, плач будет
Перламутровый...

1914

НЕ СМОТРИ ЖЕ ТАК ПРИВЕТНО

Не смотри же так приветно,
Яблоневоцветно.
Зреют звезды, как пшеница:
Буду я томиться.

Не ласкай меня шелко́во,
Ясно-соколово.
Рдеют розы на рассвете:
Будет день мой светел.

Поутру играют грозы —
Будут снова слезы!
Встала мать. Дымится хатка.
Где же ты, касатка?

А я здесь в саду, в тенёчке,
Где цветки-веночки...
Что скажу ей? — Всё приметно:
Яблоневоцветно.

1918.

ДОЖДЬ

В руке, но чьей? — там, где ручьи,
Струятся змейки... Тишь. До дна.
Взглянул, вздохнул, швырнул пшена —
И заскакали воробьи!..

— Беги! — шепнуло в берегах.
— Ложись... — шумят ракиты.
Спустило облачко в лугах
Рукав, узором шитый.

1918

А Я В ЛЕСУ ГУЛЯЛА

А я в лесу гуляла
брала цветок к цветку
Люли-люли опушка
на дереве кукушка
ку
ку

Я зайку повстречала
гуляя по леску
Его бы я поймала
кукушка помешала
ку
ку

1917

ПЛУГ

Ветер.
Не ветер — буря!
Дробит, ломает, с землей вырывает...
За черными тучами
(громом! над кручами!)
за черными тучами мильон мильонов
мускулистых рук...
Катит. В землю врезает
(будь то город, дорога, луг)
в землю плуг.
А на земле люди, звери, сады,

на земле алтари и боги:
о пройди над нами, строгий,
рассуди!
Иные прочь убегали.
В пещеры, озера, леса.
— Что нам несут небеса?
взывали.
И никто не ударил в кимвал.
(Огневого коня ветер гнал —
огневого коня —
в нóчи —)
И только их мертвые, стылые очи
встречали торжество нового дня!
Очи.

1919

НА ПЛОЩАДИ

Как на площади у церкви
революция шумна.
Слышны крики: — Выбираем
в командиры чабана!

До свиданья! Ждите воли! —
все по кóням, все вперед! —
Закипело, зашумело —
только флагов вихрь цветет...

Как на площади у церкви
мать печальна не одна:
освещай же им дорогу,
ты, высокая луна!

Речь вкруг церкви умолкает.
Пыль несется прочь...
Вечер.
Ночь.

1919

ОЙ, УПАЛ МОЙ ДРУГ С КОНЯ

Ой, упал мой друг с коня
и припал к снегам.
— Слава! Слава! — докатилось
и легло к ногам.

И поднес тогда он руку
к сердцу своему.
Был бы рад еще такую
пережить зиму.

Ой, рубили ворогов
да на всех фронтах!
Сел на грудь, закаркал ворон,
черный ворон-птах.

Грянул революцьонер —
зашатался свет!
Умирая в чистом поле,
всем послал привет.

1919

ИДУ С РАБОТЫ Я, С ЗАВОДА

Иду с работы я, с завода
манифестацию встречать.
— Свобода! — улицы кричат,
и вновь: — Да здравствует свобода!

Смеется солнце с небосвода,
и облака, что кони, мчат...
Иду с работы я, с завода
манифестацию встречать.

Моя весна! Моя природа!
Лучи в моей груди звучат...
— Нам мир дано трудом венчать,
чтоб к вечной дружбе шли народы!
Иду с работы я, с завода.

1921

ТАМ, НА ГОРЕ ЗА ДНЕПРОМ

26/II (11/III)

Там, на горе за Днепром
рдяно знамена кричат:
«честь ему, слава, хвала!»

Звучно оркестры гремят,
и у портрета цветы —
«честь ему, слава, хвала!»

Катится песнь по степи́,
и от села до села:
«честь ему, слава, хвала!»

Встанем же, братья мои,
встретим пророка — певца. —
Там, на горе за Днепром
«честь ему, слава, хвала!»

КОЖЕМЯКА

Кожи Никита мял —
пришли к нему люди,
пришли в слезах к нему люди:
ой, горе, Никита, если б ты знал,
горе, если б ты знал!

Король-змей
город обступил —
ну что ты ему скажешь?
Помилую, когда крови напьюсь —
ну что ты ему скажешь?

Нашел на Никиту пыл —
ничего не открыл,
двенадцать кож под его руками
тресь! тресь!

Пришли к нему снова:
у каждого нос обрублен,
у каждого уши обрублены,
и у каждого губы.
И толпой загнусавили так:
ой, горе, Никита, если б ты знал
горе, если б ты знал!

Печален Никита стал —
дурнями всех обозвал:
вот уже дурни, так дурни,
когда они переведутся!

Пришли к нему в третий:
и каждый перед собою вел:
жёнку без головы,
сына без головы,
и так страшно, так смешно ступали их ноги —
как бы у живых...

Тут Никита вскочил —
безголовые все вы!
На что вам моя помощь?
Вы трижды приходите, и трижды все те же —
эх, вы, невежды!
Где ваши богатеи?

А! — прозвучало — и снова молчанье.
Раскрылись глаза — и настало молчанье.

— Где у них уши обрублены?
— Где у них дети погублены?

А! — разорвалось — и снова молчанье.
раскрылись глаза — и поняли все —
(кровь проступила на мертвых)...

Сложили мертвых особо,
Живые стали особо.
Ударили на богатея!
Никита на короля!

И закипела земля...

1924

ХОДИТ ФАУСТ

Ходит Фауст по Европе
в сплетнях, басенках, смешках, —

и молитвенник в руках, —
ищет вылазок, путей,
а навстречу — Прометей.

— Здравствуй, здравствуй! Всё бунтуешь?
Ну, за это не хвалю.
Я бесчинства не люблю:
или думаешь восстаньем
осчастливить бедный люд?

Я все тайны неба знаю,
всех философов читаю,
все итоги подсчитаю
жизни, счастья и нужды —
ну, а ты? что сделал ты?

Я ношу в душе вериги,
знаю тайны всех религий,
не бунтую — только книги
все пишу, пишу, пишу —
ну, а ты, бунтарь, что ты?

Хочешь строить мир свободный?
Почему ж ты безработный?
— Потому, что ты не Фауст!
Самозванец! Лежебок!
Как возьму я молоток!

— А! бунтуешь? — вижу, вижу.
Я не Фауст? — так и знал.
Разойдемся-ка! Прощай!
Бродит Фауст по Европе,
и молитвенник в руках.

1924

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

...Девочка с крылечка:
Вы, цып-цып-цып, мои!..
Собака на цепи.
Какой-то шум в степи.

А мать забыла гряды —
какой-то шум в степи.
— Ой, будет, будет буря! —
грохочет гром в степи.

— Нет, мама, я читала:
воздушный это флот.
Но мать дрожит от страха,
и скот в хлеву ревет...

И небо в сотни линий
расчерчено кругом,
а гром все улетает,
все улетает гром —

— тает гром —

1924

В КОСМИЧЕСКОМ ОРКЕСТРЕ

Взлетев, как бы ядро из пушки,
вкруг солнца движется земля.
За ней вприпрыжку лысый месяц, —
беззубо щурится в монокль.

О, сколько на земле беззубых,
боятся солнца и воды!..
Земля, роди нам юных сердцем,
земля, богатырей роди!

Знамена красным полыхают:
народы в вольный путь идут!
И кровью землю поливают,
и славу мертвым воздают.

И тысячи встают, и льются
на смену им под гром пальбы,
и движут силу революций
путем огня, путем борьбы.

Вставай, кто с дряхлой жизнью в споре!
Республика, гряди, гряди!
Пошли нам свежей влаги, море!
Земля, богатырей роди!

Взлетев, как бы ядро из пушки,
вкруг солнца движется земля.

За ней вприпрыжку лысый месяц, —
беззубо щурится в монокль

Смотри, смотри: спасенья нету
тому, кто отошел от масс;
напрасно влекся он к расцвету, —
он, жалкий, навсегда угас.

Гори, кто с дряхлой жизнью в споре!
Республика, гряди, гряди!
Пошли нам свежей влаги, море!
Земля, богатырей роди!

1922

ПЕСНЯ ТРАКТОРИСТКИ

КАК ОЛЕСЯ КУЛИК УБЕГАЛА НА КУРСЫ

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета...
Не тот, что был, Миргород,
Хорол-речка — не та.

Летом — вся работа в поле,
а как снег постлал постель,
я товарищей просила
записать меня в артель.

Ой, артель моя «Троянда»,
маркизет, мадеполам!

Вышивала я узоры
с тревогою пополам.

С тревогою — ну и странно! —
с тревогою — вот смешно! —
Только близко загрохочет —
так и высунусь в окно.

А оно — ничуть не странно:
ведь меж наших вороных
стали кони попадаться
не похожие на них.

Не травою их питают,
и овса такой не ест —
они ходят, как летают,
заезжают в МТС.

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета...
Не тот, что был, Миргород,
Хорол-речка — не та.

Тут игла моя упала,
перепутался узор...
Я бежала, догоняла —
поглядеть на них в упор.

В МТС их все встречают,
обступают в тесный круг,

по плечам их с лаской треплют,
называют нежно: друг!

К трактору я протолкнулась —
свет мой ясный! свет ты мой! —
Ой, как хочется учиться,
чтоб вести его самой!

Отпустите ж меня, мама, —
для чего такое зло?
Я ж на курсы трактористов,
я в Поповку, на село!

Мать с укором: бога бойся!
Я в ответ ей: это ж стыд!
Долго ль будут меня мучить
ваши рясы да кресты?

Дым-дымок от машин,
как девичьи лета́...
Не тот, что был, Миргород,
Хорол-речка — не та.

Мать упорна: и не думай!
А я то же: убегу!
Раз я раным-рано встала —
ни следочка на снегу.

В самом плохоньком пальтишке,
в старом стиранном платке

подалась я на Поповку,
что дымит невдалеке...

Только мост перебежала, —
не бубенчики ль звенят?
Не по звону, а по песне
узнавала я ребят.

Перевились голосами
радостно да вéсело!..
— Что, курсантов не узнала? —
мы в Поповку, на село!

Я гляжу — себе не верю —
все свои, соседние...
— Садись с нами, комсомолка,
и поедем, едем-дем —

Дым-дымок от машин,
как девичьи летá...
Не тот, что был, Миргород.
Хорол-речка — не та.

1933

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ТРАКТОРИСТКИ

КАК ОЛЕСЮ КУЛИК БАБЫ ЗЕМЛЕЙ ЗАБРОСАТЬ ХОТЕЛИ

Кому шутки, прибаутки,
а вот мне не все равно:

на Керменщине есть поле —
тридцать лет не орано!

Целых тридцать... Комсомольцы!
не к лицу сейчас покой.
Мы вспахали, мы взорали
все за Шахворостивкой, —

так скорей поедем дальше,
двинем армию свою,
вспашем брошенную пустошь —
твердую, ленивую.

Нас четыре тракториста
с бригадиром впереди —
только сели на машины,
а земля уже гудит...

Непонятно трактористам,
трактористам невдомек:
— Что вы, собственницы-бабы,
стали делу поперек?
А навстречу пьяный лодырь
из степных бредет сторон,
говорит — как бьет в цимбалы,

а идет — топочет он:

Эй, давайте, бабы, топать, —
хватит и на них потопа!

Обниму вас, полюблю
да в горилке утоплю.

Кому шутки, прибаутки,
а вот мне не все равно:
на Керменщине есть поле —
тридцать лет не орано!

Ох, какую волю надо,
все обдумай, все осиль!
...Выводи свою машину
первым, Яшный Василь.

Трактор Василя выходит —
только что-то с ним не так...
Бабы сразу как запляшут:
чудо бога, христа-бога,
чудо господа-христа!

Ох, какую волю надо,
и крепка же молодежь!
...Джунь Андрей, свою машину
ты за Василем ведешь.

Трактор Джуня выступает —
только что-то с ним не так...
Бабы снова как запляшут:
то святого христа-бога,
то святого духа знак!

И давай они плеваться,
бранный разговор вести.
...Комсомольцы! укрепляйте
в мир бесклассовый мосты!

И от бога и от чуда
у панов была причуда:
знание и техника
вовсе не для бедняка.

Стойте — думаю — устрою,
я устрою бабам пляс!
Рычаги я отпустила,
начинаю в самый раз.

Кому шутки, прибаутки,
а вот мне не все равно:
на Керменщине есть поле —
тридцать лет не орано!

Бабы ж в крик: креститесь, люди!
Раз кончать, так уж кончать,
дергай и ломай машину,
то ж антихри — то ж антихри —
то ж антихриста печать!

Трактор тут как зарокочет —
все, кто пьян, и кто не пьян
отлетели, покатились
те в крапиву, те в бурьян.

Бабы тут земли набрали —
и за мною всей толпой.
Сколько грязи накидали
тут и там на трактор мой.

И в лицо мне комья мечут
и кричат мне: стоп да стоп —
вам со стариной тягаться?
Ах, ты боже, христе-боже,
да пошли ж на них потоп!

Над горилкой, над потопом,
над бессмысленным их топом
пан смеялся им в лицо,
попиваючи винцо.

А я режу, а я режу —
что там крику! Что людей!
Трактор Василя грохочет,
борозды ведет Андрей...

Что за бабы раньше были, —
нынче изменилися.
Трактор стал всеобщим другом
вот она и песня вся.
Захотим, всего добьемся —
вот она и песня вся.

1933

ПЕСНЯ ПОД ГАРМОНЬ

Рута мята да непримята
непритоптанная трава
Справа ветер да слева ветер
вей потоками обвевай

Потоки как токи
трава ой трава
хорошо ты пахнешь
мята мурава

Что за лето да медоцветом
переполнены все поля
Дождик бором да перебором
переструнивал тополя

Пролетайте тайте
клочья туч седых
не роняйте тучи
капель голубых

Вот выходит да уж подходит
трактористка на каблуках
Что ж ты пава моя забава
в праздник с книжечкой в руках

Чтобы очи зорче
глянули на свет
оттого и с книжкой
вот тебе ответ

Мне как скрипка твоя улыбка
дорогая не будь строга
Не до дому мне не до дремы
красота твоя дорога

Не кисни не висни
что сказал забудь
Все светлей все выше
мне открытый путь

Пьяный значит ты не иначе
с непутевою головой
Мне учиться тебе лениться
мне дорогой тебе тропой

Не до речи нынче
про любовь твою
Станешь знатным парень
свататься велю.

ПЕСНЯ КРАСНОЙ АРМИИ

А скажи, скажи, скажи,
где еще такая
класса мощь, и цвет, и жизнь,
сила молодая?

Падай, падай, упадай,
все цари и троны:

нашей Красной Армии
движутся колонны!

А скажи, скажи, скажи,
так уж трудно ль разве
отвыкать от логова,
нечисти и грязи?

Падай, падай, упадай,
в доме дух старинный, —
грамотны мы все давно,
классово едины!

А скажи, скажи, скажи,
с гадом — порешили?
Как с буржуазией вы
поступить решили?

Падай, панство, упадай,
партия решила:
с нами слава всех знамен,
с нами Ворошилов!

А скажи, скажи, скажи,
где предел аллюру?
Кто Деникина разбил,
Колчака, Петлюру?

Падай, падай, пропадай
с колокольным звоном...
Нашей Красной Армии
движутся колонны!

1933

СОДЕРЖАНИЕ

Партия ведет. Перевод А. Чачикова . . . 3
За Сталина подам свой голос. Перевод М. Фромана 5
Феликс Дзержинский. Перевод М. Комиссаровой 7
Песня про Кирова. Перевод Б. Турганова . 9
Первый раз в истории. Перевод П. Панченко 12
Чувство семьи единой. Перевод Н. Брауна . 13
Первое знакомство. Перевод Б. Пастернака 15
Курчавясь, пробегают тучи. Перевод Л. Пеньковского 21
Леса шумят. Перевод В. Рождественского 22
Арфами, арфами. Перевод М. Комиссаровой 23
Не смотри же так приветно. Перевод М. Комиссаровой 24

Дождь. Перевод В. Рождественского . . 25
А я в лесу гуляла. Перевод Н. Ушакова . 26
Плуг. Перевод Б. Турганова 26
На площади. Перевод Н. Ушакова 27
Ой, упал мой друг с коня. Перевод А. Прокофьева 28
Иду с работы я, с завода. Перевод А. Прокофьева 29
Там, на горе за Днепром. Перевод Б. Турганова 30
Кожемяка. Перевод Б. Турганова 30
Ходит Фауст. Перевод А. Гатова 32
Воздушный флот. Перевод Н. Ушакова . . . 34
В космическом оркестре. Перевод Н. Ушакова 35
Песня трактористки. Перевод Н. Асеева . . 36
Вторая песня трактористки. Перевод Н. Ушакова 39
Песня под гармонь. Перевод М. Комиссаровой 44
Песня Красной Армии. Перевод М. Фромана 45

Цена 20 коп.